

Таким образом, исследование конкретных советизмов с позиций влияния временных изменений, оказывающих существенное влияние на семантику этих языковых единиц, за которой стоит лексический фон, отражающий любые политические, социальные, экономические, культурные преобразования в жизни того или иного государства, показывает, что для учебных целей необходимо: фиксировать эти изменения; проводить классификацию советизмов с позиций изменения их семантики и функционирования в современных источниках; выделять безэквивалентные и фоновые единицы, требующие разного комментирования; разрабатывать различного рода лингвокультурные комментарии, основанные на словарных дефинициях с добавлением фоновых знаний из энциклопедий и справочников, опросах и экспериментах и учитывающие собственный опыт авторов. Материалы комментариев могут войти в различные типы лингвострановедческих и лингвокультурологических словарей, оказывающих существенную помощь при изучении русского языка в иностранной аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Издание 3-е, переработанное и дополненное. М.: Русский язык, 1983. С.60.

² *Купина Н. А.* Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. Екатеринбург: УРГПУ, 2009. №2. С.40.

³ *Мокшенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка совдепии. М.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с. — Словарь совдепии.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. Издание 2-е, испр. и доп. Т. 1. М.: Русский язык, 1982. 696 с. — МАС.

⁵ *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. 1200 с.

⁶ *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. 844 с.

⁷ К сопоставительному анализу привлечен материал из магистерской диссертации Гао Хао, написанной под руководством автора данной статьи. СПб.: СПбГУ, 2014.

⁸ О типах комментариев см.: *Шахматова М. А., Сим Ен Бо.* Типология лингвострановедческих комментариев // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 48–54.

Shakhmatova M. A.

Saint Petersburg State University, Russia

CHANGE OF SEMANTIC STRUCTURE OF SOVIETISM: FIXING, CLASSIFICATION, COMMENTING

In the article the author describes semantic changes in structure of sovietism which happened because of the influence of temporary crisis. These changes demand fixing, classification and commenting for training in Russian of foreign pupils.

Keywords: sovietism, semantic changes, lexical background, linguocultural comment.

ОБИХОДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОРОКЕ В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ

В статье проводится анализ языковых репрезентаций, составляющих обиходное представление русского человека позднего средневековья о пороке. Результаты анализа позволяют судить о соотношении ценностной составляющей обиходной и религиозной картин мира и об изменениях, происходящих в них за счет усиления социального фактора в лингвокультуре данного периода.

Ключевые слова: лингвокультура, семантика, обиходный язык, Московская Русь, представление о пороке.

Состояние лингвокультуры в любой момент времени определяется целым рядом факторов. Можно говорить о факторах социокультурных, экономических, политических, религиозных. Все это в совокупности взаимообусловленных представлений — концептов — выстраивается в определенным образом структурированную ценностно-смысловую модель лингвокультуры. При описании такой модели важно увидеть связи между концептуализирующимся в языке явлением (или меняющим содержание существующим концептом) и теми внеязыковыми реалиями, которые на этот процесс влияют.

В настоящей работе рассматривается обиходное представление о пороке в языке Московской Руси XVI–XVII вв. Стоит сразу ответить на вопрос о причинах выбора именно обиходных, т. е. отраженных в обиходном языке, представлений об исследуемом понятии. Во-первых, изучение обиходного — ‘применяемого в повседневной жизни’ — языка позволяет увидеть как значение, так и аксиологическую составляющую интересующего нас понятия. Во-вторых, ограничивая сферу рассмотрения рамками обиходного языка, мы получаем возможность сопоставить обиходное представление о пороке с представлением, отраженным в церковной книжности этого периода, отметить соприкосновение двух картин мира: обиходной и религиозной. В-третьих, обиходный язык в силу специфики своего функционирования служит и для выражения взаимоотношений между людьми, между человеком и государством (и государем), что окажется немаловажным для исследуемого периода. То есть именно функциональная направленность обиходного языка может стать основой для описания мировидения русского человека позднего средне-

вековья и выявления концептуальных и наложившихся вторичных социокультурных черт.

Мировосприятие всегда ценностно ориентировано, оно задается ценностной картиной мира¹: любое явление оценивается с какой-либо позиции как положительное или отрицательное.

Рассмотрим представление о пороке в мировоззрении носителя русского языка XVI–XVII вв.

Порок в широком смысле — это некий изъян, предосудительный недостаток в человеке². Представление о пороке как укоренившейся греховной страсти³ приходит в язык и сознание из церковного учения, в котором представлены семь главных пороков — смертных грехов. Под воздействием этих порочных наклонностей человеком совершаются и остальные грехи.

Рассмотрим на нескольких примерах соотношение представления о пороках в обиходной и религиозной картинах мира.

Церковно-учительная литература, переводимая и создаваемая в это время, следует традиции святых отцов Восточной церкви.

Первое отличие обиходного представления можно увидеть уже на примере главного в церковной иерархии грехов порока — гордыни/гордости. В обиходном сознании гордость не концептуализируется как главный грех⁴:

Мнить убогъ в гордости мѣсто обрѣсти. *Сим. Посл., 120, XVII в.*
[Турецкий султан] своим одолънием [над поляками] вознеся и гордости у него прибыло. *В-К I, 63, 1621 г.*

Гордость представляется отрицательным качеством, но не грехом. Только в памятниках обиходного языка, связанных с религиозной сферой, можно найти употребление лексемы в значении ‘грех’. Так, например, в Исповеди конца XV в. обнаруживаем вопрос к кающемуся:

Или гордости обычаи держишь? *Исповед., 418, к. XV в.*

Гордость воспринимается и как греховная черта, перешедшая в порочное состояние, у некоторых представителей церкви:

А будучи митрополитомъ въ Великомъ Новѣгородѣ, живеть великою гордостью и владѣть государевыми дворцовыми землями и рыбными ловлями. *Д. Новг. жит. Купр., 15, 1633 г.*

В обиходном же языке *гордость* в ряде случаев приобретает положительные коннотации — ‘чувство собственного достоинства, самоуважение’:

И Иван Лаврентьев говорил: У многих государей в обычае держит, и у цысаря, что преж быв у государя да к советникам ходят [послы], а в том гордости не имеют. *Ст. сп. Воронцова, 15, 1586 г.*

В отличие от гордости *гордыня* относится исключительно к церковно-книжной сфере (и, следовательно, представляется как грех):

И аще не бы Господь сверг того [Григория] велехвальную гордыню, то и мог бы сиа соделати. *Сказ. Авр. Пал., 110, н. XVII в.*

Ряд следующих грехов, относящихся ко внутреннему миру человека, его мыслям и чувствам, не проявляющихся эксплицитно, в обиходном языке практически не представлен. Это *тщеславие, осуждение* (в обиходном языке слово, конечно, представлено, но не в значении греха), *клевета, празднословие*. То есть грехи внутреннего мира человека относятся к сфере размышлений церковной книжности.

В то же время пороки «внешнего» человека, эксплицирующиеся в обычной жизни, начинают восприниматься как социально значимые, а их наименования входят в активное употребление в негативном значении.

Традиционно наиболее активно осуждается в сознании носителей обиходного языка разряд пороков плотских, среди которых особое место занимают *пьянство* и *блуд*.

В обиходном языке Московской Руси представлено словообразовательно гнездо с корнем *-пьян-*, включающее такие слова, как *пьянство, пьяный, пьянкий, пьяница*. К этому ряду можно добавить синонимичное обозначение пьяницы — *бражник*.

Как отмечает К. Е. Скурат, с пьянством Русская церковь борется на протяжении многих веков, что находит отражение во множестве как переводных, так и собственно русских богословских сочинений⁵. Вектор осуждения пьянства будет, однако, различаться в обиходном и религиозном представлении: на первое место в обиходном языке ставится не гибель души, а социальные последствия действий пьяного человека:

... и про то видить Бгъ и добрыя люди что я за пьянством не хожу и корысти взятков не знаю. *ИНРЯ, 202, XVII в.*

Можно заметить, что пьянство ставится в один ряд с корыстью. Такое сочетание показывает одно из возможных социальных последствий пьянства. Более серьезным последствием пьянства может стать совершение преступления:

И августа гедрь въ 12 де он, Давид, с сномъ Василемъ, напився пьян меня холопа твоего билъ и увѣчил. *МДБП, 211, 1671 г.*

Стоит заметить при этом, что в отличие от современных правовых норм пьянство воспринимается как порок, из-за которого человек совершает преступление неосознанно, а потому пьянство становится смягчающим обстоятельством:

И того убийцу пытати, которым обычаем убийство учинилося, умышлением ли или пьяным делом, а не умышлением. *Улож. 1649 г., 393.*

Подобную ситуацию мы встречаем и в описании преступных действий в самом широком смысле, когда речь идет о воровстве (в знач. ‘нарушение закона, преступление’):

А он де, Митрошка, с теми же воровскими людьми и с черкасы в Олшанской ходил пьян, не помня, а мысли де ево и хотения к вороству не было. *РД II-2. 49, 1670 г.*

Еще одним социально значимым последствием пьянства оказывает его связь с другой осуждаемой обществом порочной склонностью — *бранью*. В наиболее близком к церковно-учительной литературе памятнике обиходного языка — Домострое — о пьянстве так и говорится:

Во мнози пьянствѣ... бывает брань. *Дм., 23, XVI в.*

Брань, однако, может быть как в домашнем кругу, так и выходить за его пределы:

Писаль еси къ нам, что нанѣшняго 137 г. октября в 23 д. сказывалъ тебѣ курченинъ сынъ Кунай Реутовъ на кученина жъ сына боярскаго на Исачка Семенова, что октября жъ де в 20 д.... тотъ де Исачко, напився пьянъ, говорилъ про насъ непригожее слово, да и сторонние люди, которые съ ними на пиру были, сказали, что онъ... во пьянѣ говорилъ про насъ непригожее слово, а какое непригожее слово говорилъ, и намъ про то вѣдомо. *СиД, 47, XVII в.*

Как видно из приведенной цитаты, в результате пьянства возникает ситуация, когда кого-либо бесчестят, покрывают позором. Особенно важным оказывается присутствие окружающих, из-за которых порочное действие становится предметом социального разбирательства.

Позором оказывается покрыт человек, на которого пьяный наговаривает:

И меня она, Арина, и женишку мою... напиваяся пьяна, бранит всякою неподобною позорною бранью. *МДБП, 73, 1663 г.*

Сам же пьяный человек перестает осознавать как производимое им действие, так и собственное бесчестье, возникающее в результате этого действия. Обиходное осуждение такого поведения закрепилось в паремнологическом фонде языка:

Пьяному безчестья до чарки вина. *Сим. Послов., 134, XVII в.*

Религиозное представление тесно связывает пьянство с проистекающим от него другим телесным пороком, что находит отражение и в обиходном языке. Этот порок — *блуд*:

Аще ли с своею женою [блудил]... в пианстве, епитемии год. *Исповед., 414, 1450–1470 гг.*

Блуд сам по себе также занимает особую позицию социально значимых пороков, поэтому данное понятие представлено в обиходном языке чрезвычайно большим гнездом слов с корнем *-блуд-/-бляд-*⁶. К этой группе относится синонимический ряд наименований порока: *блуд, блудство, блудня, блядня* (в 1-м знач.); наименований подверженных пороку людей: *блудник, блудница, блядка, блядь, блудужелатель*; наименования мест, где предаются пороку: *блудилище, блядня* (во 2-м

знач. — *'притон'*); глаголы, обозначающие процесс совершения греха: *блудить, блуживать*; прилагательные: *блудный ('распутный'), блудолюбный ('непристойный'), блядий, блядин*; наречие: *блудно*. Стоит отметить и большое число устойчивых выражений, включающих данные лексемы (например: *пуститься на женский блуд, блуд творить, блудом пасться* и др.), что также говорит о важности данного понятия для ценностной картины мира русского человека позднего средневековья.

Помимо религиозного осуждения данного порока вновь проявляется и социальное осуждение как реакция на его социальные последствия:

А съ слугами бы государыня пустошнихъ рѣчей... ни соромскихъ отнюдь не говорила, ни торговки, не бездѣльные жонки, ни бабы, ни волхвы никако ж во дворъ не приходили, понеж отъ тѣхъ много зла чинитца, слугамъ потворь... учинять слугъ крадливыхъ. потом и блядливыхъ. *Дм., 43, XVI в.*

Стоит заметить, что у этого же корня в обиходном языке в церковно-книжном употреблении (особенно в произведениях протопопа Аввакума) расширяется значение за счет проникновения в религиозную сферу. Корень приобретает значение *'противный христианскому учению, еретический'*:

И мне Христос подал — посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопagitом, как выше сего в начале реченно. *Авв. Ж., 102, 1675 г.*

Однако и в более ранних контекстах, например, у Ивана Грозного, встречаем глагол *блядословить* *'излагать несовместимые с христианским учением взгляды, богохульствовать'*:

Ина то Махметова прелесть, и как он говорил: у кого у кого здесе богатства много — того и там будет богат; кто здесь велик и честен, тот и тамо. И ина много блядословил. *Посл. Ив. Грозного, 179, 1573 г.*

Очевидно, что по степени осуждения ересь приравнивается блуду телесному, воспринимается в контекстах религиозной направленности как порок.

Наконец, вернемся к самой лексеме *порок*, служащей обозначением исследуемого понятия. Порок чаще всего отождествлялся в обиходном сознании с блудным грехом, из-за которого в человеке образовывался социально значимый изъян:

А дочеришка моя пришла за него Василя замуж без пороку чистым браком и ничем не увѣчна, не глуха и не слѣпа. *МДБП, 74, 1666 г.*

В ряде случаев *порок* может представлять в самом широком значении как отсутствие греховных намерений или склонностей, т. е. в религиозном значении:

... всякъ подвижникъ, начиная дѣло благо, тщится и печалуется, како бы его совершити бес порока, по заповѣди Господни. *Прип. Палеи, 303, 1478 г.*

Но в ряде случаев пороки, так же как и отдельные виды пороков, рассмотренные ранее, переносятся в социальную сферу, сферу отношений между господином и холопом:

... и ни какова, государь, пороку не учинили, и начету, государь, въ твоей... казнѣ на меня, холопа твоего, не бывало. *ПС, 108, 1672 г.*

Примечательно, что понятие порока также начинает распространяться на сферу вертикальных социальных отношений.

В связи с этим можно вспомнить одну из особенностей, выделенную по отношению к текстам исповедных формул исследуемого периода. Б. Б. Флоря пишет, что именно в период начиная с XVI века в вопросах появляется раздел для «властелина и вельможи»⁷, что, как представляется, показывает обратный процесс по сравнению с процессом, наблюдаемым нами в обиходном языке: социальный фактор начинает проникать и в религиозное представление о грехе и пороке, расширяя его за счет еще одного субъекта — государя, — против которого не должно совершаться порочных в широком смысле действий. То есть социальное постепенно принимает в отношении ко греху характер не только горизонтального, но и вертикального типа отношений.

Таким образом, рассмотрение представленных в обиходном языке Московской Руси понятий, связанных с пороком, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, обиходные представления русского человека эпохи позднего средневековья о пороке накладываются на систему представлений религиозных, но покрывают ее лишь в части грехов, имеющих эксплицитное выражение.

Во-вторых, происходит постоянное расширение или даже замещение религиозных представлений о пороке представлениями, обусловленными социальными факторами. Порок в обиходном языке репрезентирован не первопричинами, а следствием в общественной жизни.

В-третьих, процесс главенства социального в отношении к пороку и греху в обиходном языке может быть объяснен все возрастающей ролью государственности, что находит отражение и в дополнениях к религиозным представлениям о грехе за счет внесения в перечень особого рода грехов, возникающих в результате взаимодействия представителей разных общественных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 141.

² Так порок в первом значении определяется в словарях современного русского языка (см., например: *Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. М.: Русский язык, 1983. С. 304).*

³ См.: *Рождественский Д. В., свящ.* Нравственное богословие. М.: Лествица, 2001. С. 37, 40.

⁴ Здесь и далее иллюстрации приводятся по шести вышедшим в свет выпускам Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII в., либо по материалам карточки данного Словаря. После цитат следует указание на источник, страницу издания и дата источника. Перечень сокращенных названий источников:

Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

В-К I — Вести-Куранты 1600–1639 гг. / изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1972;

Д. Ноег. мит. Кипр. — О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627–1633 гг.) / сообщ. А. Н. Зерцалов // Чтения ОИДР. 1896. Кн. 1. Отд. 1.

Дм. — Домострой / изд. подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994.

ИНРЯ — *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

Исповед. — *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2002.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Посл. Ив. Грозного — Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; год. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Прип. Палеи — Приписка на последнем листе Псковской лицевой Палеи XV в. // Полн. собр. русских летописей. Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000.

ПС — *Хартулари К. Ф.* Право суда и помилование как привилегии Российской державности (Сравнительное историко-законодательное исследование). Общая и особенная части. Приложение к особенной части. СПб., 1899.

РД II-2 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. 2. Ч. 2. М., 1959.

СиД — *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. Т. 14. М., 1911.

Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / собрал П. Симоны // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына / подг. текста О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955.

Ст. сп. Воронцова — Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

Улож. 1649 г. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959.

⁵ См.: *Скврат К. Е.* Обличение пороков в русской церковной литературе XI–XVII веков // Богословские труды. М., 1996. № 32. С. 230–232.

⁶ См.: *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1. А–Бязь. СПб.: Наука, 2004. С. 189–192, 196–198.*

⁷ *Флоря Б. Н.* Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей: Человек в истории. 1992: Историк и время. М.: Круть, 1994. С. 207.

Shishkov M. S.

Saint Petersburg State University, Russia

EVERYDAY CONCEPTION ABOUT VICE IN THE MOSCOW RUSSIA LANGUAGE

This article analyses language representations that compile everyday conception of the later Middle Ages Russians about vice. The results of the analysis make it possible to draw conclusions about correlations between axiological part of the everyday and religious worldview and about changes that take place in them because of intensification of the social factor in the linguoculture of the observable period.

Keywords: linguoculture, semantics, everyday language, Moscow Russia, conception about vice.